

ПОЭТ И ЦАРЬ
Об адресате стихотворения А. С. Пушкина
«С Гомером долго ты беседовал один...»

В. А. Воронаев

К 200-летию со дня рождения Н. В. Гоголя

В статье «О лиризме наших поэтов», вошедшей в книгу «Выбранные места из переписки с друзьями», Гоголь говорит о двух предметах, которые вызывали у русских поэтов высокое лирическое одушевление, близкое к библейскому. Первый из них – Россия, второй – любовь граждан к своему монарху. «От множества гимнов и од царям, – пишет Гоголь, – поэзия наша, уже со времен Ломоносова и Державина, получила какое-то величественно-царственное выражение. Что их чувства искренни – об этом нечего и говорить. Только тот, кто наделён мелочным остроумием, способным на одни мгновенные, легкие соображения, увидит здесь лесть и желание получить что-нибудь...»

Размышляя о значении самодержавия для России, Гоголь приводит следующие слова Пушкина. «”Зачем нужно, – говорил он, – чтобы один из нас стал выше всех и даже выше самого закона? Затем, что закон – дерево; в законе слышит человек что-то жёсткое и небратское. С одним буквальным исполнением закона не далеко уйдешь; нарушить же или не исполнить его никто из нас не должен; для этого-то и нужна высшая милость, умягчающая закон, которая может явиться людям только в одной полномочной власти. Государство без полномочного монарха – автомат: много-много, если оно достигнет того, до чего достигнули Соединенные Штаты. А что такое Соединенные Штаты? Мертвечина; человек в них выветрился до того, что и выеденного яйца не стоит”».

И далее: «”Государство без полномочного монарха то же, что оркестр без капельмейстера: как ни хороши будь все музыканты, но, если нет среди них одного такого, который бы движеньем палочки всему подавал знак, никуда не пойдет концерт. А кажется, он сам ничего не делает, не играет ни на каком инструменте, только слегка помахивает палочкой да поглядывает на всех, и уже один взгляд его достаточен на то, чтобы умягчить, в том и другом месте, какой-нибудь шершавый звук, который испустил бы иной дурак-барабан или неуклюжий тулумбас. При нем и мастерская скрипка не смеет слишком разгуляться на счет других: блюдет он общий строй, всего оживитель, верховодец верховного согласия!” Как метко выражался Пушкин! Как понимал он значение великих истин!»

В недавно вышедшем в свет новом издании «Пушкин в воспоминаниях современников» утверждается, что в «Выбранных местах из переписки с друзьями» Гоголь создаёт «консервативную легенду» о Пушкине. Факты, однако, свидетельствуют об обратном. Суждения поэта, приводимые Гоголем, подтверждаются и другими источниками. Так, например, слова Пушкина о Соединённых Штатах,

сказанные, видимо, в личной беседе, находят подтверждение в мемуарах Веры Ивановны Анненковой, видевшей Пушкина в январе 1837 г. у великой княгини Елены Павловны: «Разговор был всеобщим, говорили об Америке. И Пушкин сказал: "Мне мешает восхищаться этой страной, которой теперь принято очаровываться, то, что там слишком забывают, что человек жив не единым хлебом"»¹.

В другом месте Гоголь называет стихотворение Пушкина «Странник» (опубликованное в 1841 г. в посмертном собрании сочинений поэта под заглавием «Отрывок») *таинственным побегом из города*. Издатель «Русского Архива» Пётр Иванович Бартенев пишет по этому поводу: «Припомним также загадочное стихотворение "Отрывок", которое Гоголь в статье о лиризме наших поэтов назвал таинственным побегом из города. По словам Гоголя, которые удалось узнать мне частным образом, Пушкин за год до смерти действительно хотел бежать из Петербурга в деревню; но жена не пустила»². Это свидетельство подтверждается записью в дневнике Екатерины Александровны Хитрово, передавшей слова Гоголя о Пушкине: «Он хотел оставить Петербург и уехать в деревню; жена и родные уговорили остаться»³.

В подтверждение монархических убеждений Пушкина Гоголь приводит стихотворение «С Гомером долго ты беседовал один...», впервые напечатанное в 1841 г. под названием «К Н***». Обращаясь к Василию Андреевичу Жуковскому, он говорит: «Это внутреннее существо – силу самодержавного монарха он (Пушкин. – В. В.) даже отчасти выразил в одном своем стихотворении, которое между прочим ты сам напечатал в посмертном собрании его сочинений, выправил даже в нём стих, а смысла не угадал. Тайну его теперь открою. Я говорю об оде Императору Николаю, появившейся в печати под скромным именем: "К Н***". Вот её происхождение. Был вечер в Аничковом дворце, один из тех вечеров, к которым, как известно, приглашались одни избранные из нашего общества. Между ними был тогда и Пушкин. Все в залах уже собрались; но Государь долго не выходил. Отдалившись от всех в другую половину дворца и воспользовавшись первой досужей от дел минутой, он развернул "Илиаду" и увлекся нечувствительно её чтением во все то время, когда в залах давно уже гремела музыка и кипели танцы. Сошел он на бал уже несколько поздно, принес на лице своем следы иных впечатлений. Сближение этих двух противоположностей скользнуло незамеченным для всех, но в душе Пушкина оно оставило сильное впечатление, и плодом его была следующая величественная ода...»

И далее Гоголь цитирует стихотворение в том виде, как оно было опубликовано Жуковским:

С Гомером долго ты беседовал один,
Тебя мы долго ожидали.
И светел ты сошел с таинственных вершин
И вынес нам свои скрыжали.
И что ж? Ты нас обрел в пустыне под шатром,
В безумстве суетного пира,
Поющих буйну песнь и скачущих кругом
От нас созданного кумира.

Смутились мы, твоих чуждаясь лучей.
 В порыве гнева и печали
 Ты проклял нас, бессмысленных детей,
 Разбив листы своей скрыжали.
 Нет! Ты не проклял нас. Ты любишь с высоты
 Сходить под тень долины малой,
 Ты любишь гром небес, и также внемлешь ты
 Журчанью пчел над розой алой.

Прочитав стихи Пушкина, Гоголь говорит: «Оставим личность Императора Николая и разберем, что такое монарх вообще, как Божий помазанник, обязанный стремить вверенный ему народ к тому свету, в котором обитает Бог, и вправе ли был Пушкин уподобить его древнему Боговидцу Моисею?» И затем, сказав о богоустановленности Царской власти, ведущей своё происхождение от ветхозаветных пророков, Гоголь замечает: «Кажется, как бы в этом стихотворении Пушкин, задавши вопрос себе самому, что такое эта власть, сам же упал во прах перед величием возникнувшего в душе его ответа».

Впоследствии биографом Пушкина Павлом Васильевичем Анненковым была обнаружена и напечатана ещё одна строфа из этого стихотворения:

[Таков прямой поэт. Он сетует душой
 На пышных играх Мельпомены,
 И улыбается забаве площадной
 И вольности лубочной сцены,
 То Рим его зовет, то гордый Илион,
 То скалы старца Оссиана,
 И с дивной лёгкостью меж тем летает он
 Во след Бовы иль Еруслана.

Первые четыре строки (от слов: «Таков прямой поэт») зачёркнуты в автографе, что говорит о том, что Пушкин испытывал какие-то сомнения в отношении их смысла, – они не подтверждают всего предыдущего.

История написания пушкинского послания (эпизод о том, как Император Николай Павлович читал «Илиаду») в первом и единственном прижизненном издании «Выбранных мест из переписки с друзьями» была исключена цензурой, что привело к недоумениям и кривотолкам. Современники считали адресатом стихотворения Николая Гнедича. Так, Белинский в пятой статье пушкинского цикла («Отечественные Записки», 1844) упоминает его под заглавием «К Гнедичу». Поэт и литературный критик Степан Петрович Шевырёв писал Гоголю 30 января 1847 г.: «Как мог ты сделать ошибку, нашед в послании Пушкина к Гнедичу совершенно иной смысл, смысл неприличный даже? Не знаю, как Плетнёв не поправил тебя. Послание адресовано к Гнедичу: как же бы Пушкин мог сказать кому другому ”ты проклял нас”?»⁴.

Замечание Шевырёва несправедливо. Во-первых, смысл стихотворения прямо противоположный:

Ты проклял нас, бессмысленных детей,
 Разбив листы своей скрыжали.
 Нет, ты не проклял нас...

Во-вторых, Шевырëв, как и Гоголь, цитирует стихи Пушкина по первой публикации. Ни тот, ни другой не видели автографа, – а в нём указанная строка читается иначе: «Ты проклял ли, пророк, бессмысленных детей...»

В ответ Гоголь посылает Шевырëву исключённый цензурой отрывок статьи и в приписке сообщает: «Слух о том, что это стихотворение Гнедичу, распустил я. С моих слов повторили это "Отечественные Записки"»⁵.

Так или иначе первые издатели Пушкина в комментариях указывали, что послание «С Гомером долго ты беседовал один...» адресовано Императору Николаю Павловичу. И здесь, помимо авторитета Гоголя, имел значение тот факт, что стихотворение датируется 1834 г., в то время как Гнедич умер в 1833 г. Маловероятно, что Пушкин стал бы писать почти панегирик Гнедичу, обращаясь к нему как к живому («Ты любишь с высоты / Сходить под тень долины малой, / Ты любишь гром небес...»). Последняя палеографическая экспертиза подтвердила, что дата «1834» в черновом автографе написана рукой Пушкина⁶.

Люди с чуткой поэтической душой не испытывали сомнений относительно адресата пушкинского послания. Так, например, Афанасий Фет писал поэту Константину Романову (К. Р.) в декабре 1887 г.: «В глубине души я вынужден признать, что, невзирая на верноподданнические убеждения, я не был бы так предан памяти Императора Николая, если бы не знал его глубокого сочувствия всем свободным искусствам вообще, сочувствия, так ярко выставленного Пушкиным стихом: "С Гомером долго ты беседовал один"»⁷.

Черновые строки стихотворения (неизвестные Гоголю) со всей определённой указывают на Государя Николая Павловича:

...Могучий властелин

С Гомером долго ты беседовал один.

Николай I был настоящий властелин, каким он показал себя в 1831 г. на Сенной площади, заставив силой своего слова взбунтовавшийся по случаю холеры народ пасть перед ним на колени (ср. письмо Пушкина к Прасковье Александровне Осиповой от 29 июня 1831 г.). Для автора «Стансов» Император Николай I был царь «суровый и могучий»:

И новый царь, суровый и могучий,

На рубеже Европы бодро стал...

(«Была пора: наш праздник молодой...», 1836)

В советском литературоведении, однако, утвердилось мнение, что стихотворение «С Гомером долго ты беседовал один...» обращено к Гнедичу как переводчику «Илиады»⁸. Тем не менее многие вопросы остаются без ответов. Если Пушкин имел в виду Гнедича, то почему Жуковский не назвал адресата? Кто надписал «К Н***» в белой рукописи и кто скрыт под этим названием? Откуда Белинский мог знать то, чего не знали Плётнёв и Жуковский? Зачем Гоголь распространял слух, что стихотворение адресовано Гнедичу?

Создаётся впечатление, что Гоголь знал нечто такое, чего не знали друзья Пушкина. История, рассказанная в статье «О лиризме наших поэтов», находит подтверждение в «Записках А. О. Смирновой», изданных её дочерью Ольгой Николаевной Смирновой. Вот уже более ста лет они вызывают споры в отношении

подлинности⁹. Здесь, в частности, упоминаются поэмы и стихотворения Пушкина, которые Александра Осиповна передавала на прочтение Императору Николаю Павловичу. Среди них – «стихи Н., когда Государь читал "Илиаду" перед балом». «Этот последний факт, – говорил Пушкин, – я рассказал Гоголю, который записал его, так он был им поражен»¹⁰. На вопрос поэта, почему она настаивала на том, чтобы тотчас показать Государю эти стихи, А. О. Смирнова сказала: «Потому что они прекрасны и доставили ему удовольствие, да вы и сами отлично знаете, что он мне ответил». Ответил же Государь, по её словам, следующее: «Я и не подозревал, чтобы Пушкин до такой степени за мною наблюдал и чтобы это даже могло поразить его. Это не поразило никого более из бывших на бале»¹¹.

Но всё-таки мы не можем отбросить Гнедича как хотя бы привходящего (то есть дополнительного, от слова «привходить» – являться дополнением к чему-либо) адресата послания. Нельзя не признать, что смысл стихотворения не может быть объяснён до конца. Возможно, что Пушкин имел в виду и великий труд Гнедича, и Государя Николая Павловича (его, может быть, более), читавшего «Илиаду», которая и была ему посвящена от переводчика.

¹ Цит. по: Андроников И. Лермонтов: Исследования и находки. – М., 1964. – С. 175.

² Цит. по: Зайцев А. Д. Петр Иванович Бартенев. – М., 1989. – С. 78.

³ <Хитрово Е. А.> Гоголь в Одессе. 1850–1851 // Русский Архив. – 1902. – № 3. – С. 554.

⁴ Переписка Н. В. Гоголя: В 2 т. – М., 1988. – Т. 2. – С. 345.

⁵ Миллер О. Ф. Неизданные письма Гоголя // Русская Старина. – 1875. – № 12. – С. 661.

⁶ Соловьева О. С. Рукописи Пушкина, поступившие в Пушкинский Дом после 1837 г. – М.-Л., 1964. – С. 25, 91.

⁷ К. Р. Избранная переписка. – СПб., 1999. – С. 261.

⁸ Историю вопроса см.: Мейлах Б. С. «С Гомером долго ты беседовал один...» // Стихотворения Пушкина 1820–1830-х годов. – Л., 1974.

⁹ В последнее время этот вопрос был поднят снова. В 1999 году издательства «Московский рабочий» и НПК «Интелвак» выпустили «Записки А. О. Смирновой, урожденной Россет (с 1825 по 1845 гг.)» в сопровождении статей Л. Крестовой и А. Пьянова с противоположными оценками их подлинности. Однако вопреки утверждению, что «Записки А. О. Смирновой», опубликованные её дочерью О. Н. Смирновой, воспроизводятся полностью, новое издание представляет собой лишь текст, печатавшийся в журнале «Северный Вестник» за 1893 год (отдельное издание СПб., 1894). Между тем «Записки» продолжались печататься и в 1894 году, а затем были изданы отдельно (Ч. 1. СПб., 1895; Ч. 2. СПб., 1897). Таким образом, вне поля зрения составителя К. Ковальджи осталась половина текста. В этом смысле попытку восстановления авторитета названных мемуаров нельзя признать удачной.

¹⁰ Записки А. О. Смирновой. Издание редакции журнала «Северный Вестник». – СПб., 1895. – С. 320.

¹¹ Там же. – С. 321.